

УДК 338.012

Муромцева Алина Константиновна, доцент, к.э.н.
(КузГТУ, г. Кемерово)
Alina K. Muromtseva, associate Professor, candidate of economic Sciences
(KuzSTU, Kemerovo)
Скударнов Данил Михайлович, магистрант
(КузГТУ, г. Кемерово)
Danil M. Skudarnov, magister

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ УГЛЕДОБЫВАЮЩЕГО РЕГИОНА КАК ФАКТОР ЕГО ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

THE KNOWLEDGE ECONOMY OF THE COAL-MINING REGION AS THE FAC- TOR OF INNOVATIVE DEVELOPMENT

В данной статье рассматриваются теоретические основы формирования потенциала экономики знаний в регионе, развитие промышленности которого направлено на добычу полезных ископаемых. При определении перспектив развития экономики знаний в Кемеровской области определяются ее потенциал и барьеры, локализованные на данной территории в заданный период времени.

This article examines the theoretical foundations of the potential formation of a knowledge economy in the region, industrial development is aimed at the mining operation. When determining the prospects of development of the knowledge economy in the Kemerovo region defined by its potential and barriers, localized on the given territory in a given period of time.

Любая экономическая система на любом этапе своего развития характеризуется, среди прочего, своим потенциалом. Понятие экономического потенциала не имеет на сегодняшний день однозначной трактовки; в самом общем смысле под ним понимается способность и возможность экономики выполнять свои функции. Предназначение экономики – производство материальных благ с целью удовлетворения потребностей людей [1]. Отсюда формулировка экономического потенциала страны как совокупной возможности экономики производить определенную массу благ в установленное время и заданного качества и доводить их до потребителей.

Несмотря на широкое распространение и частое использование понятия экономики знаний специалистами разных предметных областей, публицистами и политиками, несмотря на имеющиеся теории и официальные декларации содержательная интерпретация его не может быть признана удовлетворительной. Если ограничиться формальной стороной дела, то можно принять в качестве операционального определения следующее: экономика знаний – это экономика, в которой информация, знания и инновации играют доминирующую роль в экономическом развитии [2]. Исходя из этого, в данном исследовании понятия «информационная экономика», «инновационная экономика», «экономика знаний» будут употребляться как синонимичные.

С начала 90х годов прошлого века исследования экономики знания активизировались, благодаря в том числе поддержке различных международных организаций, таких как ОЭСР, Мировой банк, ЮНЕСКО и др., которые уделяют большое внимание разработке подходов и инструментария к ее измерению. Одним из самых известных является подход, предложенный в 2004 году Всемирным банком в рамках специальной программы «Знание для развития» (K4D). Исследование проводится по 128 странам с

учетом 80 структурных и качественных показателей по четырем направлениям (ключевым областям) экономики знаний [3]: 1) стимулы экономического развития и институциональный режим; 2) образование, квалификационный уровень населения; 3) наука и инновации; 4) ИКТ и их распространение [4]. Программа *K4D* предполагает расчет двух агрегированных (сводных, композитных) индексов: Индекс знаний (*KI*) и Индекс экономики знаний (*KEI*). По сути оба этих индекса характеризуют потенциал экономики знаний и поэтому любые его исследования так или иначе проводятся по указанным выше четырем направлениям.

Исследования потенциала и барьеров формирования экономики знаний в России чаще всего опираются на Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, заявленная тема которого звучит так: «На пути к обществу, основанному на знаниях». Авторы Доклада пришли к выводу, что «экономика страны имеет значительные возможности адаптироваться к новым условиям. Эти возможности обусловлены в первую очередь высоким образовательным потенциалом, значительными возможностями инновационного процесса и достаточно развитой материально-технической базой национальной инновационной системы. В то же время своеобразным тормозом, сдерживающим продвижение России в сторону экономики знаний, остаются нерешенные проблемы развития институциональной среды. Это, в частности, низкая эффективность государственного управления и регулирования экономики, неразвитость венчурного предпринимательства, высокие административные барьеры» [5]. За прошедшие с тех пор почти десять лет оценки практически не изменились, разрыв России и развитых стран в продвижении экономики знаний, несмотря на предпринимаемые меры со стороны российского правительства, продолжает нарастать.

Представляется, что одним из значимых факторов нарастающего разрыва в развитии экономики знаний связан с закономерностями и тенденциями развития мировой экономики, главной из которых на современном этапе выступает глобализация. Глобализация мировой экономики, как и любое социальное явление, имеет две стороны (аспекта, среза, уровня) – объективную и субъективную. Как объективный процесс глобализация имеет материальные предпосылки в виде коренных изменений в производительных силах; а именно – переход к информационным технологиям, в которых информация, связь и микроэлектроника органически связаны друг с другом, составляя элементы единой информационно-коммуникационной системы, преодолевающей временные рамки и пространственную обособленность воспроизводственных процессов.

Субъективная сторона – политика глобализации – характеризует ее как управляемый процесс, путем создания определенными глобальными структурами условий для развития ее в определенном направлении. С этой точки зрения реализуемая сегодня неолиберальная модель глобализации способствует усилению кризисных явлений и противоречий в развитии мирового хозяйства. Следует отметить, что мировое хозяйство никогда не было ареной равноправных экономических отношений, характеризующихся эквивалентным обменом, свободной конкуренцией и равной эффективностью для всех участвующих в нем субъектов. Центр мировой иерархии (США и другие развитые страны) характеризуется как постиндустриальное общество, совершающее переход к экономике знаний [6].

Драматичность ситуации для российской экономики заключается в том, что выбранная либерально-монетаристская модель перехода к рынку продиктовала логику стихийного встраивания ее в мировую экономику. Специалисты отмечают, что «вследствие ошибочной стратегии реформирования российская экономика лишилась большей части своего научно-технического потенциала. Расходы на НИОКР в постоянных ценах, по разным оценкам, упали в 5–12 раз» [7].

В результате показатели, характеризующие место России в мировой экономике, ухудшились по сравнению с советским периодом. В целом, страна по факту оказалась на периферии глобализируемого мирового хозяйства. Все это говорит о деградации практически всех элементов экономического потенциала России в целом и, особенно – потенциала экономики знаний. С этой точки зрения особо тяжелые последствия имеют снижение доли расходов на НИОКР и образование в ВВП, снижение численности персонала, занятого исследованиями и разработками, «утечка умов», неэффективное использование человеческого потенциала и т.д. [8].

Переход России к экономике знаний осложняется не только деградацией ее экономического потенциала, но и усилением региональных диспропорций. Территориальный (пространственный) фактор всегда играл значимую роль в развитии России. Проявлением социально-экономической дифференциации российских регионов является неравномерное распределение экономического потенциала вообще и потенциала экономики знаний в частности [9]. Соответственно, усиление неравномерности и диспропорций в региональном развитии в связи с рыночной трансформацией экономики требует рассмотрения степени деградации потенциала экономики знаний и выработки конкретной стратегии по его повышению и реализации в целом для страны и каждого региона в отдельности.

Таким образом, потенциал экономики знания можно определить как возможности страны эффективно создавать и использовать знания как ключевого фактора и результата производства. В широком смысле слова потенциал экономики знаний тождественен экономическому потенциалу в и потому включает в себя трудовой, природно-ресурсный и производственный потенциалы. В узком смысле к потенциалу экономики знаний относят инновационный потенциал, информационно-коммуникационную инфраструктуру, человеческий потенциал, институциональный режим. Факторами, оказывающими влияние на эффективность использования потенциала экономики знаний в России на современном этапе являются: глобализация, обуславливающая (в условиях отсутствия адекватной вызовам новой эпохи стратегии инновационного развития) отставание России от развитых стран и неолиберальная экономическая политика государства, обусловившая разрушение, деградацию и стагнацию как потенциала индустриального развития, так и потенциала экономики знания [10].

При определении перспектив развития экономики знаний в регионе необходимо определить ее потенциал и барьеры, локализованные на данной территории в данный период времени. Традиционно к одному из основных факторов, определяющих возможности промышленного развития и экономического роста Кемеровской области, относят ее высокий природно-ресурсный потенциал. Можно утверждать, что сырьевая специализация Кемеровской области становится барьером устойчивого и сбалансированного экономического роста. Тем более это относится к оценке возможности развития экономики знаний в Кемеровской области.

Специалисты по региональной экономике подчеркивают, что «коридор возможностей» пространственного развития формируется в первую очередь объективными факторами». К последним относят обычно природно-климатические условия, наличие или отсутствие природных ресурсов, особенности исторического развития, менталитет населения и др. С этой точки зрения сырьевая направленность развития Кемеровской области в ближайшие десятилетия, скорее всего, сохранится [11]. Однако, сырьевая специализация региона сама по себе не исключает его инновационного развития. В уже упомянутой Стратегии был рассмотрен и второй вариант – «достижение конкурентоспособности в опоре на рост технологий и человеческого капитала (добыча, поддержанная ростом глубины переработки и новыми видами производств), диверсификация экономики, расширение ядра базового сектора как в направлении глубины переработки добываемого

сырья (движение по цепочке производства добавленной стоимости к финишным переделам), так и в направлении включения в него новых видов (отраслей, секторов) производственной деятельности».

Проблемность реализации данного сценария заключается в сохранении общей идеологии экономической политики российского государства, в том числе и региональной. Следует согласиться с тем, что «в XXI век Сибирь вошла наименее перспективным регионом России». Трансформационный спад в сибирских регионах был более глубоким и последствия имел более тяжелые, чем в других регионах. В литературе указывается на прогрессирующую деиндустриализацию сибирских регионов как следствие макроэкономической политики 90-х годов прошлого века и возникшей тенденции развития Сибири в целом как зависимой территории, подчиненной общероссийской логике превращения в сырьевую периферию мирового хозяйства. Для преодоления данной тенденции необходимы огромные инвестиции, а частный российский капитал ориентирован лишь на получение краткосрочной прибыли и, главное – не предьявляет спроса на инновации.

Еще одной проблемой, связанной с деиндустриализацией и сырьевой специализацией Кузбасса, является недостаточный для развития экономики знания человеческий потенциал. Как отмечают специалисты Независимого Института социальной политики, «одной из важнейших проблем Кемеровской области является невысокий человеческий капитал – образование, здоровье, мобильность населения, его адаптивность к изменениям. Как и в других регионах промышленной специализации, особенно на отраслях тяжелой промышленности, в Кузбассе ниже уровень образования занятого населения... Доля занятых с высшим образованием значительно ниже средней по стране, высока доля занятых с начальным профессиональным образованием. В основном это шахтеры, составляющие около 8% занятого населения» [12]. Проблема здесь заключается даже не столько в самих по себе низких показателях образовательного потенциала, сколько в том, что существует отрицательная связь между обеспеченностью страны (региона) сырьевыми ресурсами и ее экономическим ростом («ресурсное проклятие»). Исследования показывают, что «один из негативных эффектов ресурсного богатства на развитие экономики состоит в том, что в результате замещения труда капиталом в ресурсозависимой открытой экономике стимулы инвестировать в развитие высокого уровня человеческого капитала ниже, чем в экономике, бедной ресурсами» [13]. С другой стороны, как показывает практика (в частности, Норвегии) превратить ресурсы «из проклятия в благо» возможно путем комбинации стимулирования образования и привлечения в страну капиталоемких отраслей промышленности. Опыт скандинавских стран еще раз показывает настоятельную необходимость разработки и реализации специально-разработанной стратегии развития экономики знаний в ресурсодобывающем регионе. Эта стратегия в России должна учитывать пространственную неоднородность и иметь разные программы для отдельных регионов.

Региональная политика, хотя и является частью макроэкономической политики в целом и имеет общую идеологию и общий вектор, обладает спецификой для каждого региона, обусловленной спецификой сложившейся в них институциональной среды [14].

Формой проявления этого спроса является активная деятельность региональной власти Кемеровской области по переводу экономики региона на инновационный путь развития и формирования потенциала экономики знания. На уровне руководства области существует понимание безальтернативности инновационного развития региона и того, что «инновационное развитие региона включает комплекс мер по созданию экономики, опирающейся и на модернизированные традиционные сектора, развитую транспортную инфраструктуру, и на отрасли «новой экономики» – «экономики знаний».

Стратегической целью региональной политики является повышение конкурентоспособности региона и рост на этой основе благосостояния его жителей. Для достижения указанной цели предусмотрены следующие направления: развитие ресурсной базы региона; повышение глубины переработки добываемого сырья, его комплексное и эффективное использование; наращивание потребления продукции региона на традиционных рынках, поддержка выхода производителей Кемеровской области на новые рынки; снятие инфраструктурных ограничений для развития базового сектора экономики области; обеспечение технологического подъёма экономики Кемеровской области, формирование в регионе национального центра горнодобывающей продукции; развитие системы подготовки кадров, устранение диспропорций в развитии рынка; развитие инновационных центров Кемеровской области.

С целью снятия некоторых инвестиционных рисков и институциональных барьеров на пути формирования инновационной экономики в Кемеровской области создана серьезная законодательная база и, по оценке областной администрации, предприятия ведущих отраслей экономики области имеют позитивный настрой инвестирования в инновации [15]. Определенное значение имеет создание в вузах малых инновационных предприятий; на настоящий момент их насчитывается 26. Увеличивается численность инновационных компаний, активно внедряющих свои проекты (сегодня их число превышает 80 единиц).

Важным элементом потенциала экономики знаний выступает инфраструктура инновационной деятельности, к которой относят прежде всего институты развития. В Кемеровской области действует Кузбасский технопарк, созданный в 2007 году в рамках государственной программы «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий». Учитывая угольную специализацию Кузбасса основными направлениями развития технопарка определены: глубокая переработка угля и углеотходов, новые технологии угледобычи, промышленная безопасность, извлечение и переработка метана из угольных пластов, новые технологии в горном машиностроении медицина, экология, образование.

Таким образом, экономика знаний как новая парадигма и тенденция экономического развития формируется в условиях усиления глобального и регионального неравенства. В сложившихся условиях постановка вопроса о развитии экономики знаний в Кемеровской области является достаточно проблематичной. Тенденцией социально-экономического развития Кузбасса является все большая специализация его на добыче полезных ископаемых, которая не формирует спрос на инновации и высококвалифицированную рабочую силу и тем самым угнетающе воздействует на высокотехнологичные отрасли. С другой стороны, развитие территорий находится под большим влиянием субъективных факторов, к которым относят региональную политику, являющуюся частью макроэкономической политики государства. Именно от действий государства во многом зависит сегодня развитие экономики знаний в российских регионах, в которых необходимо целенаправленно создавать условия для развития потенциала экономики знаний в регионе. Кемеровская область обладает весомым промышленным потенциалом в угольной и химической отраслях, в цветной и чёрной металлургии. Достаточно высокий потенциал машиностроительного и строительного комплексов, в значительной степени разрушенный за годы реформ, может быть восстановлен при условии адекватной промышленной политики. Образовательный потенциал Кемеровской области нуждается в дальнейшем развитии и модернизации. В регионе созданы также необходимые для развития экономики знаний элементы инновационной инфраструктуры.

1. Муромцева А. К. Теоретико-методологические основы исследования экономической роли высшего профессионального образования / А. К. Муромцева, Л. В. Кусургашева // Экономика образования. – 2012. № 5 (72). – С. 23–35.
2. Кусургашева Д. В. Российская высшая школа на пути формирования экономики знания: глобальный аспект / А. К. Муромцева, Л. В. Кусургашева, Н. Д. Сабитова // Региональная экономика : теория и практика. – 2013. – № 39 (318). – С. 51–58.
3. Gailmard S. Multiple Principals and Oversight of Bureaucratic Policy-Making // Journal of Theoretical Politics. Vol. 21. No 2., 161–186 (2009)
4. Hoffman R., Casnocha B. The start-up of you. N. Y.: Crown Business (2012)
5. Human Development Report 2005. International Cooperation at a Crossroads: Aid, Trade and Security in an Unequal World / United National Development Programme. – N. Y. : Hoechstetter Printing Co. – 372 p. (2005)
6. Marginson S. University Rankings and Social Science // European Journal of Education. Vol. 49. No 1, 45–59 (2014)
7. Moretti, E. Human capital externalities cities // NBER Working Paper. Cambridge M. A.: National bureau of economic research (2003)
8. Education at a Glance 2013 : OECD Indicators, OECD Publishing (2013)
9. Sveiby K.-E. Measuring Intangibles and Intellectual Capital – An Emerging First Standard (2014)
10. Smolentseva A. Globalization and the Research Mission of Universities in Russia / S.Schwartzman, P. Pillay, R. Pinheiro (eds) Higher Education in the BRICS Countries: Investigating the Pact between Higher Education and Society (2014)
11. Дорожкина Н. В. Д. В. Характеристика проблем по обращению с отходами производства и потребления на территории Кемеровской области / Н. В. Дорожкина, А. К. Осьмак. Сборник материалов IX всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием. – Кемерово, 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_30473470_40588357.pdf
12. Рынок труда и рынок образовательных услуг в субъектах Российской Федерации / В. Н. Васильев [и др.]. – М. : Техносфера, 2007. – 680 с.
13. The Global competitiveness report 2011–2012. Geneva: World Economic Forum (2011)
14. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн ; пер. с англ. под ред. В. И. Иноземцева. – М. : Логос, 2004. – 368 с.
15. Wooldridge J. Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data. Cambridge: The MIT Press (2010)